

Партия, класс и коммунизм

ПОЛИТОТДЕЛ

ОТ РЕДАКЦИИ

Авторы этого материала - бывшая Группа Классовой Борьбы Долины Темзы. Группа вышла из лондонского панк-движения второй половины 80-х. В настоящее время ее активисты участвуют в еженедельных антивоенных встречах «Нет - войне, да - классовой войне!» на Трафальгаре, организуемых Международным Коммунистическим Течением, участвуют в демонстрациях против войны в Афганистане. Лондонские леваки контактируют с рабочими активистами стран СНГ, в частности Казахстана. Кстати, именно казахские товарищи перевели текст на русский язык.

Полный вариант статьи посвящен критике взглядов одного из основателей «Коммунизма Советов» голландца Антона Паннекука и лидера левого течения в итальянском коммунистическом движении Амадео Бордига. Оба поддерживали контакты с 3-м Интернационалом, но вскоре разошлись с его «генеральной линией». Впоследствии они заявили о несоциалистической природе СССР. Сами Паннекук и Бордига, однако, существенно расходились во взглядах на задачи политической организации пролетариата. Разбору этих противоречий и посвящена статья.

По мнению «ЛП», статья затрагивает некоторые не традиционные для российских левых вопросы и потому представляет интерес. На этих вопросах и сделан акцент в сокращенном варианте статьи.

Полный текст можно найти на сайте МРП www.MLP.nm.ru

2001 год. Прошло более 10 лет с падения берлинской стены, а объявленный тогда «Конец истории» кажется теперь не просто идеологией, но незаслуживает даже упоминания. В Европу возвращается открытая война, но уже не как изолированный эпизод, а локализованная, подобно древней болезни, неуязвимой для современных антибиотиков. Глобальная экономика катится к кризису. Многие политические институты международного капитализма (Большая восьмерка, МВФ, Всемирный банк) более, чем когда-либо утрачивают доверие и вызывают протесты. В то же время, развитие капитала, вопреки ожиданиям многих, не привело к росту строительства всё более крупных фабрик в старейших капиталистических странах, напротив, закрываются не только фабрики, но и целые отрасли промышленности. Вследствие этого наблюдается снижение процента населения, соответствующего архетипу рабочего марксистской или синдикалистской традиции. Это привело к тому, что многие рассматривают класс, как старомодную идею. Разговоры о «партии» считаются тем более бесполезными от того, что ассоциируются с парламентаризмом (всё больше и больше людей не участвует в голосовании, не понимая зачем это нужно и правильно делают) или с ленинизмом (в то время как большевистское наследие СССР и Восточной Европы ушло в прошлое).

Тем не менее, разделение общества на классы остаётся фундаментальным. Концентрация власти и богатства вместо того, чтобы уменьшаться, увеличивается в виде капитала, контролируемого крошечным меньшинством. Какими бы ни были трудовые, культурные и личностные изменения, больше чем когда-либо выросло число людей, которые могут теперь выжить, только обменивая свою жизнь на зарплату и попадая в зависимость от капризов экономики. Хотя революционное движение может также состоять из лиц с происхождением из других классов, упразднение капитализма нелегально без массового движения класса обездоленных, пролетариата, материально заинтересованного в переменах. На данный момент, как в большинстве исторических периодов, лишь небольшое меньшинство противостоит капитализму на революционной основе. Определяют ли они себя как «движение», «организацию», «партию», или даже если они отрицают любую формальную организацию, вопрос об отношении радикального меньшинства к остальному пролетариату является краеугольным. (...)

В 1921 г. когда Бордига писал свою «Партию и класс» как текст Итальянской Коммунистической Партии, революционеры всего мира смотрели на Россию, как на первый пример пролетарской революции. Несмотря на то, что как итальянские, так и голландско-немецкие левые уже расходились с большевиками в вопросах «тактики», и Ленин уже осудил и тех и других, обе тенденции относили себя к тому же движению. К тому времени, когда Паннекук написал свою статью на ту же тему, и немецкие и итальянские левые уже осознали капиталистическую природу «Советской» России. Тот факт, что статья «Партия и класс» Бордига была написана в 1921 г., в его самый «большевистский» период, а статья Паннекука двадцать лет спустя, в его самый «советский» (ретекоммунистический) период подчёркивает различия между этими двумя тенденциями. Это облегчает сравнение их различий, но возможно затемняет их скрытое сходство.

Работу Бордига и итальянских левых можно рассматривать, по крайней мере, в определённой степени, как один из полюсов постоянной диалектики в коммунистическом движении. Теоретический и организованный коммунизм основывает свои идеи и практику на реальном движении пролетариата в его антагонистической борьбе против капитала. Теоретический коммунизм является попыткой вынести лучшее из уроков пролетарской

борьбы. Однако, эта попытка содержит неизменное противоречие. Усвоение уроков, вынесенных из предыдущей борьбы, выражается в тенденции к более последовательной теории, проявляясь в принципиальной программе. Но приверженность этой программе обязательно влечёт за собой критическое отношение к пролетарской борьбе. В результате, принципиальные коммунисты всё более отдаляются от реальной борьбы пролетариата. «Бордигизм», в некоторых из своих проявлений, как принципиальное движение, основывающееся на «неизменной» программе, является одним из чистейших примеров этого полюса.

Паннекук и немецко-голландские левые представляют противоположный полюс этой диалектики, так же как и такие движения, как «автономизм». Эти тенденции стремятся сохранить свою теорию в контакте с новейшей борьбой пролетариата и изменениями в организации капитала. К сожалению, это ведёт к постоянной ревизии политических позиций (или, скорее, к отказу от любой позиции), либо к исключительному признанию непосредственных или стихийных акций рабочих.

Необходимо преодолеть всё ложное противостояние между программой и стихийностью действий. Коммунизм является как самостоятельностью пролетариата, так и жёсткой теоретической критикой, выражающей и предвосхищающей её.

Самоуправление

Одним из общих элементов коммунизма советов является требование «самоуправления предприятий» (Паннекук). Этот продукт демократического пролетариата немецких левых, является одним из слабейших элементов данного направления. Советовцы (ретекоммунисты) видели свою цель во взятии фабрик рабочими и их самоуправлении. Результатом стал близорукий взгляд на революцию, ищущий перемен в управлении, а не тотального преобразования общества.

Самоуправление, т.е. осуществление управления предприятием самими рабочими, занятыми на нём, меняет только собственность предприятия и его менеджмент. В капиталистическом обществе, где разные предприятия действуют в соответствии с рыночными механизмами в качестве элементов единого общественного капитала, неважно является ли предприятие частной собственностью, акционерной компанией, государственным предприятием или собственностью своих работников. Точно так же, иерархичность или демократичность менеджмента не меняет природы предприятия как элемента капиталистического общества. Самоуправление становится пролетарским самоуправлением собственной эксплуатацией. Хуже того, в качестве меры, применяемой рабочими в убыточных, неудачных компаниях, для того чтобы предотвратить их закрытие и своё собственное увольнение, самоуправление часто приводит к более высокому уровню эксплуатации, чем в обычном бизнесе. Трудящиеся «свободно выбирают» (под давлением рынка) трудиться больше за меньшее вознаграждение, для того, чтобы предприятие функционировало. Самоуправление действует т.о. в качестве управленческого орудия против капиталистического кризиса. Капиталистическая природа самоуправляемых предприятий была продемонстрирована не только теоретически, но ясно выявлена тем фактом, что самоуправление время от времени применяется капиталистическими группами.

Проблема с самоуправлением уже поднималась Бордигой в 1920 г., хотя и с государственно-коммунистической перспективой. «Фабрика будет захвачена рабочим классом - и не только занятая на ней рабочей силой, которая была бы слишком слабой и некоммунистической - только после того, как рабочий класс как целое захватит политическую власть. До тех пор пока он этого не сделает, Королевская гвардия, военная полиция, и т.д. - иными словами, механизм силы и подавления, которым располагает буржуазия, её политический аппа-

рат власти позаботится о том, чтобы разрушить все иллюзии».

(1)

Практический результат перспективы самоуправления был показан во Франции в 1968 г. Движение началось с захватов университетов, которые были преобразованы революционерами в социальные пространства (а не коллективные университеты). По словам двух участников движения: «Эскалация доходила до формирования общих собраний населения в захваченных университетах. Захватчики организовывали свою собственную деятельность. Однако, люди «социализированные» университеты не рассматривали фабрики, как СОЦИАЛЬНЫЕ средства производства; они не понимали, что эти фабрики были созданы не занятыми на них рабочими, а поколениями трудящихся». (2)

Те, кто держался данного взгляда «поддерживали» рабочих, но были озабочены подменной деятельностью рабочих своей собственной. Рабочие т.о. должны были освободиться в изоляции, фабрика за фабрикой: «Когда они говорили, что захватить фабрики «должны сами рабочие», «подмена» фактически произошла, но она была противоположной той «подмене», которой боялись анархисты. Активисты подменили бездействие (вернее, бюрократическое действие) рабочих бюрократий, бывшее единственным «действием», которого хотели рабочие, своим собственным действием». (3)

«21 мая, на второй день захвата, перед активистами комитетов действия были захлопнуты фабричные ворота, а делегаты от профсоюзов защищали входы от «провокаторов»». (4)

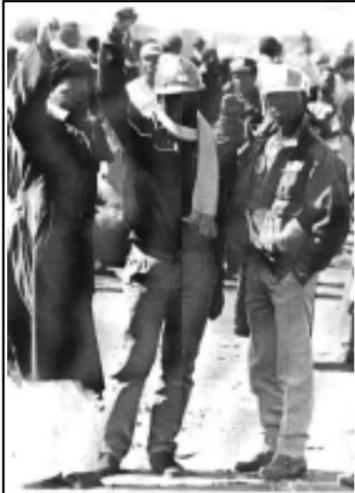
В 1984-85 гг. забастовка британских шахтёров вновь подняла вопрос о предприятии и классовой борьбе, как на практике, так и в теории.

Аргументы Уайлдкэт были следующие: «Любая борьба на рабочем месте может попасть в ловушку корпоративности, если она остаётся борьбой на рабочем месте. ...В забастовке шахтёров ... пик наступил, когда к ним присоединился весь рабочий класс одного региона - например, защита шахтёрские посёлки от полиции. «Территория» включала в себя рабочие места, а зачастую стратегически очень важно нарушать, захватывать и/или уничтожать их. Например, захваты рабочих мест являются важной возможностью для подрыва роли рабочего места как «предприятия», отдельного от всего остального общества - когда на предприятии приглашают других пролетариев, кроме тех, что обычно там работают, экспроприруют ресурсы, такие как печатное оборудование и коммуникации, проводят раздачу полезных продуктов со складов предприятия...». (5)

Настоящий пик классовой борьбы происходит, когда рабочие выходят с предприятий и борются на территории общества. Примеры включают в себя Парижскую Коммуну 1871г., Кронштадт 1921г. Они находятся в резком контрасте с деятельностью всевозможных леваков, всегда стремящихся проникнуть на фабрики.

Профсоюзы, фабричные организации и советы

Третий Интернационал считал, что рабочее движение развилось от разделения на партию, профсоюзы и кооперативы к разделению, «к которому мы приближаемся по существу» - на партию, советы и профсоюзы. На самом деле реальное движение, в странах, где оно было самым продвинутым, в России и Германии, развивалось иначе. Реальной формой движения стало разделение на партию, советы и фабричные организации. Фабричные организации приняли форму фабрично-заводских комитетов в России, фабричных советов в Италии и советов предпри-

Бастующие шахтеры ЮАР

Рабочие Будапешта. 1956 г.

Ударницы. СССР

ятий, а позже Союзов, в Германии. Различие между фабричными организациями с одной стороны и рабочими советами с другой было смутным, как в теории, так и на практике, но лучше всего проявилось в полемике Бордига с Грамши. Грамши с энтузиазмом бросился на поддержку движения фабричных советов в Турине, приняв его за начало движения советов. Бордига подчёркивал разницу между фабричными советами, организованными на отдельных предприятиях, и рабочими советами, объединяющими весь пролетариат по территориальному признаку. Он правильно считал, что фабричные организации не смогут сыграть ту же радикальную роль, что и советы, что они не смогут преобразовать всё общество. Бордига понимал, что они обладают теми же слабостями, что и профсоюзы, такими как секционность, опораизм, и поэтому, неправильно отвергал их как, в сущности, новую форму профсоюзов. Это его отношение становится более понятным в итальянском контексте, где фабричным организациям было разрешено выбирать только членов профсоюзов в качестве делегатов. В Германии, где коммунисты в фабричных организациях призвали рабочих выходить из профсоюзов, было бы намного труднее сделать подобный промах.

Коммунисты советов, вроде Грамши, путали фабричные организации с рабочими советами. Фактически, в худшем случае, они принимали крайнюю форму пролетариата, которая отрицала существование пролетариата вне фабрики. «Сегодня только на фабрике рабочий является истинным пролетарием... Вне фабрики он является мелким буржуа...» (6). С другой стороны, революционное движение после Первой мировой в Британии призывало к социальным советам, отчасти из-за растущей безработицы, исключавшей революционеров с рабочих мест. Это могло повлиять на позицию Сильвии Панкхёрст, призывавшей к созданию системы советов, которые объединяли бы пролетариат, включая людей незанятых на предприятии, таких как домохозяйки. (7) По контрасту с широко распространённым непониманием в отношении советов, это было важным признанием того, что они должны быть социальными и пролетарскими, а не просто рабочими организациями.

Заключение

(...) Коммунизм не является ни «властью рабочих советов», ни диктатурой авангардной партии и не зависит ни от какой другой predeterminedной организационной формы. Коммунизм не является ни «самостоятельностью рабочих», ни «программой», но пролетарской самостоятельностью, экспроприрующей или воссоздающей коммунистическую программу. Важна не организационная форма, но именно те, кто организован в ней; существенно важна коммунистическая, коллективная экспроприация и преобразование человеческого существа, как целого, отчуждённого ныне капиталом. Но вопросы, обсуждённые здесь: организация (партия, профсоюз, совет), сознательность, класс, не могут быть разрешены на теоретическом уровне. Можно изучать теорию, разработанную классовым движением прошлого, но только будущее движение сможет разрешить или преодолеть дилеммы поставленные Паннекуком и Бордигой. «Коммунизм для нас не состояние дел, которое следует установить, не идеал, к которому должна приспособиться реальность. Мы называем коммунизмом реальное движение, упраздняющее нынешнее состояние вещей. Условия данного движения берут начало в предпосылках сегодня». (8). Отрицание существующей борьбы ради чистоты принципа есть отрицание коммунизма, отрицание революции. «Каждый шаг реального движения является более важным, чем дюжина программ». (9) Революция не есть реализация в действительности утопий, живущих сейчас только в литературных умах. Это не проявление некоего абсолютного принципа или принципов. Коммунизм есть созидание человечества, созидание, которое уже происходит, развивается перед нашими глазами. Пролетариат не просто «учится» в борьбе, которую он создаёт. Эта борьба, коренящаяся в потребности, сама является ключевым элементом коммунистического движения, преобразованием общества и сознания. (...)

1. «Захватить власть или захватить фабрику». 2. Ф. Перлман, Ф. Греггар. Рабочестуденческий комитет действия. 3. Там же. 4. Там же. 5. Уайлдкэт. Помимо и против профсоюзов. 6. О. Рюле. От буржуазной к пролетарской революции. 7. Б. Уинслоу, С. Панкхёрст. Сексуальная политика и политическая активность. 8. К. Маркс, Ф. Энгельс. Немецкая идеология. 9. К. Маркс. Письмо В. Бракке, 5 мая 1875 г.